

Чернозимье

Александр Зимовещ

Александр Зимовец

Чернозимье

<https://litres.ru/74207102>

Аннотация

Тьма накрывает королевство, и ее наступление куда более стремительно, чем кто-либо мог ожидать. Всесокрушающая армия нежити опустошила целую провинцию и вот-вот сделает то же с остальной страной. Среди мрачного отчаяния, охватившего всех вокруг, меня ждет встреча с человеком, который принесет людям надежду. Вот только эта встреча будет неприятной. Когда-нибудь те, кто выживут, назовут это время Чернозимьем – порой холода, смерти и крови. Временем последней битвы, в которой решится судьба мира - и не только этого.

Это заключительная книга цикла «Черные сны».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	56
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Пролог

*Звезды над рекою гаснут,
 Тает сон моей судьбы.

 Я не знаю, был ли счастлив,
 Да и я ли это был.
Фернандо Пессоа*

Я падал. Падал с такой огромной высоты, что городские стены Карнары – высочайшие в Монланде – казались отсюда игрушечным замком, сделанным из кубиков «Лего». Ветер отчаянно свистел в ушах, вертя мое тело во все стороны, словно мальчишка – беспомощного жука. Внизу суетилась огромная масса людей – живых и мертвых – с высоты представлявшихся двумя стаями копошащихся муравьев, почти неотличимых друг от друга.

Я знал, что сделал все правильно. Ничего лучше я сделать не мог. Но достиг ли я цели? Победил ли я или просто плюнул в лицо врагу перед смертью? Мне не суждено это узнать. Пусть это узнают другие – и делают с этим знанием что захотят.

Земля приближалась стремительно и неумолимо. Сколько раз я, всю жизнь боявшийся высоты, видел подобную картину в кошмарных снах! И всегда за секунду до того, как встретиться с земной твердью, я просыпался, дрожащий от избытка адреналина и счастливый от того, что это был лишь сон.

Я знал, что в этот раз так не будет. В этот раз мне предстояло встретиться с землей.

Глава 1

Пол тронного зала был вымощен плитами гербовых цветов Карнары – черного и белого – и отполирован шарканьем множества ног, отчего походил на шахматную доску. Я сделал по нему всего несколько шагов и едва не поскользнулся. Смотреть под ноги было нельзя – необходимо было не сводить глаз с лика Его Величества, короля Карнары.

На мою шею непривычно давила серебряная цепь с тяжелым медальоном, украшенным россыпью мелких сапфиров – знак отличия егермейстера, который Сергею пожаловал давным-давно старый маркграф, но с которым Сергея видели лишь изредка, и обычно, почему-то, не на людях. Теперь же мне пришлось этот медальон надеть – для солидности.

Восседавший на слишком высоком для него троне десятилетний мальчишка, с трудом держащий осанку под тяжестью серебряного венца – хоть тот специально для него бы сделан облегченным – смотрел на меня с таким же любопытством, как я на него.

По правую руку от трона стоял регент, герцог Волькенбергский, мужчина лет сорока с клиновидной бородкой и глубоко посаженными черными глазами, одетый в камзол и плащ, расшитые серебром по черному полю. В отличие от короля, глаза которого сияли непосредственным детским

любопытством, лицо герцога походило на деревянную маску, вроде тех, что жители окрестностей Кира достают из сундуков во время осеннего карнавала. Вдоль стен зала толпились пестро разряженные придворные – несколько десятков высших сановников королевства. Позади всех, у самых дверей скромно примостилась моя так называемая свита – Олег в пять лет не надеванном нарядном камзоле, Тим с кинжалом в купленных недавно богатых ножнах, Вика в монашеском облачении – ей пришлось принять сан, чтобы в Карнаре не было вопросов к ее амулетам.

– Склонитесь перед мудрейшим владыкой! – громко произнес где-то сбоку от нас, у самой стены ала церемониймейстер в тяжелой меховой накидке.

Остановившись посреди зала, я сделал глубокий поклон и опустился на одно колено, и то же самое сделал стоявший от меня по левую руку орденский нунций – худой, как жердь, бритый мужчина в черном камзоле, с лицом, обезображенным косым шрамом. Он был кем-то вроде постоянно представителя Ордена при дворе, и именно он в последние три дня натаскивал меня по части придворного этикета, а также передавал пожелания Капитула.

– Что имеет сказать нам наш верный вассал, нунций Ордена Мученика Иеремии? – отчеканил мальчишка неестественным голос, словно читал невидимую бегущую строку.

– Ваше величество, – произнес нунций, наклонив голову еще сильнее, – Капитул Ордена склоняется перед вашей муд-

ростью и справедливостью, посылая вам заверения в своем глубочайшем почтении. Имею сообщить вам, что в настоящее время положение Ордена упрочилось за счет заключения нового договора с покорным его воле вассалом – городом Крюстером. Город признал верховенство воли Ордена, а вместе с тем – все благоую власть Вашего Величества, за что получил милостивые пожалования и пребывает в полном спокойствии.

Нунций откровенно выдавал желаемое за действительное: на самом-то деле Крюстер остался независимым, а юрисдикцию Ордена и короля признавал лишь номинально. И если уж не королю, то регенту это точно было небезызвестно, однако он не стал прерывать нунция, смиренно слушая дальше.

– Также имею вам сообщить, что другой верный вассал Ордена, егермейстерство Кернадальское, также пребывает ныне в порядке после отражения атаки богомерзкой нежити из Чернолесья. Однако же, в ходе означенного нападения его высокоинородие егемейстер Сергей погиб, и ныне его преемником является егермейстер Руман, титул которого мы всеподданнейше просим утвердить.

Его величество едва заметно кивнул, не проронив ни слова.

– Ваше Величество, позвольте представить вам Румана из Брукмера, верного вассала Ордена Мученика Иеремии, Егермейстера Кернадала, – проговорил он хриплым, каркающим голосом, эхом разлетевшимся под сводами зала.

– Приветствую вас, – холодно произнес мальчик. – Мы пожелаем видеть вас, чтобы выразить признательность за защиту северных рубежей. А также изложить ваше мнение о... как это... – он на секунду обратил взор к регенту, словно ожидая подсказки, а затем, прочитав по его губам какое-то слово, продолжил, – о затруднениях в Кирхаймской марке.

– Мое мнение заключается в том, что... затруднения в Кирхаймской марке являются обстоятельством крайней важности, – начал я. – Чернолесские егеря, которых я представляю, окажут Короне всю возможную помощь том, чтобы их преодолеть. Я обещаю, что мы в полном составе встанем на защиту страны и, если понадобится, отдадим жизнь, но не пропустим нежить дальше. Но одни мы не справимся. Необходима мобилизация всех наличных сил королевства для борьбы с нежитью. Необходима также помощь других стран: Каруинского герцогства, Ансо, Крюстера, Тарсина, даже стран Запроливья. Это невиданная ранее угроза, которая грозит гибелью всем, и перед лицом которой не должно быть вражды между людьми.

Воцарилось секундное молчание, во время которого юный король сперва сохранял каменное выражение лица, а затем слегка повернул голову в сторону герцога, словно вновь ожидая команды. Но герцог, казалось, сам замешкался.

– Это правда, что ты можешь обращаться в крылатого тигра? – спросил вдруг Его Величество.

Я изо всех сил постарался сдержать улыбку. Ксай я по-

просил остаться в Кернадале, но слухи о ее триумфальном появлении там, конечно, дошли уже и до столицы: слишком много людей видело эту сцену своими глазами.

Впрочем, в кривом зеркале этих слухов история искажилась до неузнаваемости. Так многие считали, что в дракона превратился я, а в других историях дракон (чуждый здешней мифологии) превратился в крылатого тигра. Тигров в Монланде тоже никто не видел, зато они жили в Сунланде и часто украшали тамошние гербы. Крылатый же тигр был любимым транспортом палатинских сказочных героев.

– Нет, Ваше Величество – ответил я. – Но мой друг может... нечто подобное.

– И он может защитить нас? – спросил король, не обращая внимание на раздраженный жест регента.

– Боюсь, что нет, – ответил я. – Перед нами очень мощная сила. Всем людям нужно объединиться в борьбе с ней.

– То есть, вы предлагаете начать войну? – произнес регент. – Войну, где герцог Каруинский по какой-то неведомой причине встанет со мной плечом к плечу? А вам не кажется, что, прежде чем делать подобные предложения, неплохо было бы заручиться его согласием?

– Война уже началась, – ответил я. – Нежить не будет присылать послов, предъявлять ультиматумы и заключать перемирия. Захватив Кирхайм, она двинется дальше на юг, уничтожая и разоряя страну до тех пор, пока не поглотит ее целиком. Мы все уже воюем, хотим мы того или нет. И герцог

Каруинский, я надеюсь, тоже это поймет. Главное, чтобы не было слишком поздно. Я нижайше просил бы Его Величество сделать первый шаг и выступить примирителем и объединителем владык Монланада. Боюсь, что без этого чернолесские егеря не смогут обеспечить защиту даже Карнары.

— Ваша нижайшая просьба удивительно смахивает на ультиматум, — проговорил герцог, глаза которого немного сузились, пристально уставившись на меня. — Но Его Величество прощает вам вашу дерзость из уважения к проявленной вами доблести в бою и обещает рассмотреть возможность дипломатических шагов к примирению с врагами Короны. Однако это потребует обсуждения с советниками в ближайшие две недели.

— Но мое дозволение на проживание в Карнаре истекает через два дня, и я надеялся...

— Вопросы войны и мира не решаются в ходе приемов, — твердо отрезал герцог. — Такие вопросы решает Малый совет.

Я знал это, но ждал, что он хотя бы благосклонно отнесется ко мне. Со стороны герцога было странно пренебрегать какой бы то ни было помощью. Из Кирхайма с каждым днем приходили все более зловещие вести. Город, кажется, пока еще держался, но уже из последних сил. Окрестности его были наводнены нежитью. Огромный поток беженцев — голодных, оборванных, насмерть перепуганных — растекался от него во все стороны, наводняя страну волнами страха и от-

чаяния. В предместьях Карнары то и дело вспыхивали бунты. Лица обывателей хранили на себе печать напряженного ожидания. В тавернах шептались о том, что армия нежити вот-вот доберется уже и сюда. А раз так, то надо брать все, что плохо лежит, да бежать куда подальше.

На месте регента я бы сейчас в ноги поклонился любому, кто хотя бы предложил бы разумный план действий. Но регент, очевидно, был не из тех, кто кланяется в ноги. Помощь он готов был принять только от того, кто смиренно попросит об этом.

– Боюсь, у всех нас сейчас нет времени на формальности, – произнес я, чувствуя, как орденский нунций слева от меня нервно дернул ногой.

– И что же конкретно вы имеете предложить Короне? – осведомился регент, но что-то в его голосе заставило меня подумать, что ответ не слишком-то его интересует.

Я начал перечислять все те меры, которые не раз уже за эти дни обсуждал и с ребятами из Кернадала, и с крестерцами, и с людьми из Ордена. Разведывательная операция по установлению численности противника. Перечисление помощи, которую реально было бы получить от окрестных государей, которые тоже, несомненно напуганы вторжением из Чернолесья. Наступление на Кирхайм с трех разных сторон. Точечные рейды отрядов егерей. Установление местонахождения Ника и удар в этом направлении основными силами.

Но дойти до последнего пункта я не успел, заметив, что

герцог на самом-то деле почти не слушает меня, да и Его Величество тоже заскучал.

– Мы обсудим ваше предложение и сообщим свое решение, – произнес король, явно следуя беззвучной подсказке регента, и прервав меня буквально на полуслове.

Сразу же вслед за этим регент подал едва заметный знак о том, что аудиенция окончена, а нунций сделал глубокий поклон, и я, последовав его примеру, стал отходить назад, не сводя глаз с трона и стараясь при этом не споткнуться обо что-нибудь. У стен послышалось шарканье и тихий шепот расходящихся придворных, а я начал чувствовать, что моя дипломатическая миссия терпит крах.

Ретирада заняла минуты две, после чего мы с нунцием оказались в просторной приемной, наполненной гулом голосов, словно растревоженный улей. На нас с моим спутником многочисленные придворные посматривали с опаской, заговорить с нами никто не пытался.

– Мой друг, вы все испортили, – произнес со вздохом нунций. – Я же говорил вам: не нужно на них давить, это неприемлемо и оскорбительно для чести. Нужно было попытаться вложить в них эту мысль как-то стороной, исподволь. Впрочем, на Его Величество вы, кажется, произвели впечатление. Обычно он ничего не говорит без команды регента, а тут эта история с крылатым тигром... Да, слухи доходят даже до

него, и на вашем месте я бы пользовался этими слухами.

— И что же мне делать теперь? — спросил я.

— Ждать, — нунций развел руками. — Мы можем выправить вам разрешение на то, чтобы задержаться в Карнаре подольше.

— Но мне необходимо вернуться в Кернадал, — почти в отчаянии произнес я. — Дорогу туда засыплет снегом, а без меня там может начаться новое сражение.

— Боюсь, мой друг, вам предстоит решить, где разворачивается более важное сражение: здесь или там.

На эту сентенцию я ничего не успел ответить, поскольку ко мне подошел пожилой, очень полный человек в камзоле с черно-белым регентским гербом.

— Его Светлость изволит видеть вас в кабинете, пройдемте, — произнес он вполголоса, взяв меня за локоть короткими толстыми пальцами.

Я вопросительно уставился на нунция. Тот кивнул, давая понять, что хоть он и слегка удивлен, но здесь такое в порядке вещей.

Войдя в неприметную, бесшумно открывшуюся дверь, я проследовал за моим одышливым спутником сперва вверх по винтовой лестнице, затем по полутемному коридору. Миновав несколько постов королевских гвардейцев, мы очутились возле массивной двери с серебряными накладками, и мой визави, отвесив короткий поклон, пропустил меня внутрь, сам оставшись в коридоре.

Кабинет, в котором я оказался был невелик и темноват – окон было два, но оба – узкие, похожие на бойницы. Стены были увешаны гобеленами, изображавшими сельские виды, а напротив двери разместился портрет Его Величества – с неестественно задумчивым и серьезным для ребенка лицом.

Под портретом за широким столом, беспорядочно заваленным пергаментными листами, разместился Его Светлость. Расстегнувший несколько крючков на камзоле и закинувший ногу на ногу, он держал в руках серебряный, инкрустированный камнями кубок – очевидно, с вином. Второй, чуть победнее украшенный, стоял на столе, видимо, для меня.

Когда я вошел, регент указал мне жестом на поставленное чуть поодаль от стола жесткое кресло и предложил вина. Я вежливо поклонился и присел напротив.

– Я пригласил вас сюда, потому что план действий лучше обсуждать наедине, – пояснил он. – Не всем при дворе можно доверять, да и Его Величество... лучше не беспокоить некоторыми вопросами.

– Вы изволили сообщить мне сегодня, что такие вопросы решает Малый совет, – произнес я.

– Малый совет – это я, – герцог усмехнулся. – Говорите мне то, что хотели бы донести до Малого совета. Не сомневайтесь, что мое решение станет его решением.

– Хорошо, – я кивнул, собираясь с мыслями. – Тогда вот то, что я хотел бы донести до вас. Нападения нежити на Кир-

хайм и Кернадал – это не какие-то местные неприятности, от которых можно отмахнуться и заняться более важными государственными делами. Это наступление тьмы, и если не остановить его, то эта тьма в самом скором времени - в считанные месяцы - поглотит весь континент до самого Ансо. И Карнару тоже. Это не преувеличение, не страшилка, а факт – нас всех просто разорвут на куски. Вскоре здесь не останется ни единого живого человека – кроме хозяина этой тьмы и его спутников.

Я произнес этот монолог на одном дыхании, стараясь не сглаживать углы. Мне показалось, что герцог недооценивает серьезность ситуации, и больше всего на свете мне хотелось, чтобы его, наконец, проняло.

– Вы говорите, что за этим стоят люди? – произнес он с крайним интересом в голосе. – Вы в этом уверены?

Я секунду помедлил, так как не ожидал этого вопроса. Меня удивило, что из всего сказанного мной, герцог обратил особое внимание именно на это.

– Да, люди, – ответил я.

– И вы видели их? Говорили с ними?

Я кивнул, судорожно соображая, куда он клонит.

– Это весьма ценные сведения, – регент поставил кубок на стол, сложил руки на коленях и пристально уставился на меня. – Чего же эти люди добиваются?

– Я уже имел честь сообщить вашей светлости, что эти люди добиваются полного уничтожения людей на материке,

и не останются, пока не добьются этого... или пока не будут побеждены, – ответил я.

Губы регента вновь тронула улыбка.

– Вы очень молоды, Руман, – произнес он, откинувшись в кресле. – Я верю, что вы говорите искренне. Вот только поверьте моему опыту: люди никогда ничего подобного не хотят. Все люди хотят одного: власти. А какая может быть власть, если всех уничтожить?

– По-вашему, не может быть, чтобы этого хотел безумец? – спросил я.

– Безумцы пускают слюни в луже своей мочи, – брезгливо поморщился герцог. – Или бегают по деревне с топором, вытаращив глаза. Иной из них, быть может, и хотел бы погубить весь мир, но не сможет. Силу может обрести только тот, у кого есть разум. А, тот у кого есть разум, понимает разумные доводы.

Я почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал холодок.

– Уверяю вас, – проговорил я. – Тот, о ком мы говорим, ваших доводов не поймет. Вернее, поймет, но не примет. Вы для него лишь препятствие на пути к цели. Он считает, что все вы... как бы это объяснить... нечто вроде иллюзии...

– Вы поразительно хорошо осведомлены о его мотивах, – герцог ухмыльнулся. – Скажите честно: это ведь один из вас, да? Вы, кто бы вы ни были, сами породили это?

– Мы... не несем ответственности за это, – ответил я, ста-

раясь не опускать глаза. — Все мы оказались здесь не по своей воле.

— Я впервые общаюсь с одним из вас лично, — ответил регент. — До этого мне доводилось лишь вести переписку с вашим предшественником, и, откровенно говоря, меня уже тогда раздражала манера ваших собратьев говорить загадками. Почему нельзя просто ответить на вопрос: кто вы, откуда взялись и чего хотите?

— Проще всего ответить на последний вопрос, — сказал я. — Мы бы хотели вернуться домой.

— Вот и вернулись бы! — самообладание вдруг оставило герцога. Он побагровел и стукнул кулаком по столу с такой силой, что тяжелый кубок подпрыгнул, и мелкие брызги вина упали на стол. — Зачем вы явились на нашу голову?! Кто вас, черт возьми, вообще просил?!

— Я бы тоже предпочел здесь не появляться, — ответил я. — И все мы. Нас никто не просил, это произошло помимо нашей воле.

— Ладно, это все метафизика, которая меня в данный момент не интересует, — произнес герцог, сделав большой глоток и поставив кубок на стол. — Просто расскажите мне побольше об этом предводителе нежити. Мне интересно понять его мотивы, чтобы знать, как себя вести.

— При всем моем почтении, я боюсь, что вы не до конца осознаете степень опасности, — начал я. — То, с чем вы столкнулись, это не просто враждебная армия, с вождем ко-

торой можно договориться. Это абсолютное зло, стремящееся к уничтожению.

– Вы сами себе противоречите, господин егермейстер, – проговорил регент с каким-то странным удовольствием в голосе, словно смакуя победу в споре. – Только что вы говорили, что это всего лишь человек, а теперь уже – абсолютное зло. Разве может человек быть абсолютным злом?

Я раскрыл рот и тут же закрыл его, обдумывая, какой ответ на этот вопрос считать правильным. Еще относительно недавно я сказал бы, что не может.

– Видите ли, Руман, – произнес герцог, не дождавшись моего ответа. – Я давно живу на свете, и хорошо осведомлен о том, что абсолютное зло бывает только в сказках. Конечно, Церковь учит нас, что некогда мир терзали восемь демонов, и только великие Мученики, каждый в свой черед, смогли ценой своих жизней избавить нас от них, но всю эту историю я лично воспринимаю, как метафору. Понимаете? Только в выдуманных историях люди делятся на героев и злодеев. А в жизни историю всякого человека можно рассказать так, что он будет злодеем. Или героем. В зависимости от того, кто и как расскажет. Вот взять, к примеру, вас...

Он отставил кубок в сторону, сложил руки на груди и пристально посмотрел на меня.

– Да-да, вас, – произнес регент, словно смакуя эту мысль. – О вас уже рассказывают истории – много историй. В одних вы разбойник с руками по локоть в крови, убивший за-

конного правителя Брукмера, устроивший бунт в Крюстере, якшавшийся с чернолесской нечистью. В других вы – герой, голыми руками поднявший целый корабль и лично остановивший наступление нечисти на Брукмер верхом на крылатом тигре. В каждой из этих историй что-то правда, что-то – ложь. И я не верю ни одной из них, потому что знаю, что героев и злодеев не существует. А существуют лишь люди со своими интересами.

– А если чьи-то интересы полностью противоположны вашим? – спросил я.

– В таком случае, я предпочел бы узнать об этом из первых рук, – спокойно ответил он. – И дальше действовать, имея твердые основания.

На несколько секунд воцарилась тишина, нарушаемая лишь каплями дождя, которые ветер с моря бросал в дворцовые окна. Зима в южной Карнаре была еще мягче, чем в окрестностях Чернолесья – почти совершенно бесснежной.

– Вот что я предлагаю вам, Руман, – произнес герцог. – И сразу учтите, что подобные предложения я никогда не делаю дважды. Я желаю, чтобы вы вступили посредником между мной и тем человеком – или кто он там? – который стоит за армией нежити. Вы отправитесь к нему с дипломатической миссией. Если эта миссия будет успешной, вы получите графский титул и соответствующие владения в моем домене. Все сословные ограничения, налагаемые на чернолесских егерей, будут отменены для вас, а также для всех еге-

рей, на которых вы укажете, даже если вы укажете на всех. Итак, ваше слово?

— Простите, Ваша Светлость, но я вынужден отказаться, — ответил я. — Отправиться в Кирхайм я могу только в одном качестве: будучи в рядах армии, идущей его освобождать.

— О какой армии вы говорите?! — герцог вновь побагровел, и его пальцы сжали массивную ножку кубка с такой силой, что, казалось, вот-вот согнут ее. — Как я могу отправлять армию в пасть демону, не имея ни разведки, ни хоть каких-то внятных сведений? А если эта мерзость сожрет всю армию, что я буду делать?! Я должен довериться вам? Но вы весьма наивны, если думаете, что я могу довериться вам столь безгранично в вопросе жизни и смерти? А предположим, что армия даже победит, но при этом почти вся поляжет. Кто будет защищать меня от вторжения из Каруина или Тарсина? Вы со своим крылатым тигром, или кто он там на самом деле?! Какие гарантии вы можете мне дать?!

— Тот, о ком вы говорите, точно не даст вам никаких гарантий.

— Я хочу узнать об этом от него, — твердо заявил герцог. — Мне нужен посредник на переговорах, и, либо вы им будете, либо... не смею вас более задерживать.

Я поднялся из кресла, делая над собой усилие, чтобы не плеснуть остатками вина герцогу в лицо.

— Сожалею, что не могу быть вам полезным, — ответил я как можно более вежливым тоном.

– Ничего, – произнес регент. – Вероятно, помощь Короне в этом важнейшем деле сможет оказать кто-нибудь другой. Что касается вас... не думайте, что ваша позиция в этом вопросе будет Короной забыта. Можете идти.

Я был настолько шокирован таким поворотом беседы, что даже не сразу осознал, что мне указали на дверь, и потому простоял возле стола на несколько секунд дольше, чем следовало бы, чтобы сохранить лицо.

Глава 2

На третий день нашего обратного пути начался мелкий, противный снегопад, смешанный с дождем. Ветер задувал снежную мокреть под капюшоны плащей, пробирая до самых костей, но пережить стихию где-нибудь в деревне не хотелось – нужно было поспеть в Кернадал до того, как дороги наглухо заметет.

Настроение было хуже некуда. Если в Карнару я ехал с почетным эскортом, как гость Его Величества, то назад возвращался лишь в компании «свиты» – даже орденские сочли за благо нас не сопровождать.

Трактир, где мы остановились на ночлег в тот вечер, был маленьким и темным, домишка почти врос в землю и так покосился набок, что, казалось, тесовая крыша вот-вот съедет с него на землю. В отличие от редких постоянных дворов на Чернолесском тракте, он не был обнесен частоколом: здесь не привыкли опасаться нежити.

Хозяин, неопрятный трясущийся старик, встретил нас неприязненно, и в первое мгновение мне даже показалось, что в приюте он нам откажет. Делать этого он, однако, не стал, а нехотя посторонился, пропуская нас в плохо натопленную темную комнатку с парой кривых покосившихся столов и скрипучими лавками.

– Нам бы пивца, отец, – сказал Олег, усевшись возле самой

стены и сладко потянувшись, хрустнув суставами.

– Нетуть пива, – произнес хозяин словно сквозь зубы и шмыгнул носом. – Яблоневка только, старая, да на поесть – каша. Не закупал ничего. Не ездит уж никто об эту пору. Вас-то на кой змей принесло, простите Мученики – под зиму да на север ехать.

Мне отчего-то стало его жалко. Видимо, готовился тут зимовать – один, в глуши, не видя проезжающих неделями. Приятного мало – а уж мы со своими метками, вооруженные и болтающие между собой на непонятном языке должны были казаться ему чем-то вроде Всадников Апокалипсиса. К егерям в этих местах не привыкли.

– Ну, давай свою яблоневку, – добродушно махнул рукой Олег. Тим в это время задумчиво ковырял кинжалом столешницу, параллельно изучая что-то в своей менюшке. Хозяин косился на него со смесью страха и отвращения – похоже, боялся, как бы странный гость его не сглазил. Вика молчала, закутавшись в вынутый из тюка плед, привалившись к стенке и, кажется, уже задремав.

– И что теперь будем делать? – спросил Тим, протяжно зевнув и прикрыв менюшку жестом.

За последние дни я успел возненавидеть этот вопрос, который теперь приходилось слышать постоянно от разных людей. Что делать? А я-то откуда знаю!

– Зимовать будем, – ответил я. – Авось, доберемся до Кернадала, пока дорогу окончательно не заметет. Будем бить

нежить, если снова подойдет к крепости. Нужно набрать экспы к весне.

– Говорят, нежити там меньше теперь, – задумчиво произнес Тим, отложив кинжал на край стола. – На севере вся.

– Если так, то и нам надо подаваться на север, – ответил я. – Оставим в Кернадале только совсем новичков, выйдем еще зимой, по снегу. Разобьемся на группы...

Я достал из кожаного футляра карту и стал водить по ней гусиным пером, показывая, с какой стороны будет подбираться к Кирхайму каждая группа, где остановится, что будет разведывать, какие пути ее отхода к месту сбора – деревеньке Вальдорф на Чернолесском тракте.

Откровенно говоря, операцию эту я придумывал буквально на ходу – только чтобы продемонстрировать ребятам, что план у меня вообще есть.

На то, чтобы придумать что-то получше, у меня была масса времени – ряды долгих холодных ночей и тусклых зимних дней в Кернадале.

– Все это, конечно, отлично – рейды, разведка – но на кой хрен это все нужно? – спросил Тим, подняв на меня глаза от истыканной кинжалом столешницы. – Армии у нас нет и не будет. Одни мы Ника не победим.

– Лучше держать глаза открытыми, – пояснил я. – Армии сегодня нет, завтра – будет. Не забыл, что к нам должны приплыть тарсинцы? Но чем мы им поможем, если не знаем, где враг и сколько его?

– Да это все так вилами на воде писано, – протянул Тим. Ксай, рассказавшей про грядущий поход северного герцога, он не доверял и побаивался ее. Как и почти все в Кернадале. – Нет, прав был Сергей, царствие ему небесное. Уходить надо. И не только из Кернадала – а за море, в Графту или еще дальше.

– Никуда мы не уйдем, – отрезал я. – Никуда нам. От себя не уйдешь. Ник хочет уничтожить всех здесь, и сам он не остановится. Только с нашей помощью.

– Нда, ситуация... – проговорил Тим, положив кинжал на ребро ладони и глядя на то, как он легонько покачивается, балансируя. – Мало было проблем, так еще и это.

– Прорвемся, – ответил я. – Их самих-то не так много. Значит, если вывести из строя хотя бы двоих-троих, уже часть армии останется без контроля – станет легче. А там, глядишь, и до главного доберемся.

– А, кстати, сколько их? – спросила, словно очнувшись ото сна, Вика. – Ты ведь о них никогда толком не рассказывал.

– Я видел десяток всего, – сказал я, припоминая свою жизнь в Урде. – Может быть, всего их больше. Но вряд ли намного. И не факт, что все могут нежитью управлять. Даже скорее нет.

Олег, который до этой минуты безучастно прихлебывал из кружки дешевое пойло с запахом подгнивших яблок, вдруг подобрался, и в его глазах блеснул интерес.

– Слушай, я дано еще хотел тебя спросить. Скажи, ты ко-

гда был там, в Урде, – начал он шепотом, наклонившись ко мне. – Ты не видел там кого-то, кто мог быть похож...?

Я изо всех сил старался смотреть Олегу прямо в глаза и не отводить взгляд. Между нами стояла разбитая плошка, в которой чадил сальный огарок. Из-за этого лицо Олега казалось красным, а глаза – подернутыми дымкой.

Конечно, я все понял еще когда мы встретились с Олегом осенью. А должен был понять и раньше, еще в Урде. Он ведь и в самом деле похож на Олега – Андрей, парень, попавший в Чернолесье одним из первых. Тот, кого первым встретил Ник. Тот, кому было в ту пору всего двенадцать.

Я не слышал больше ни об одном егере, который бы попал в Чернолесье в таком возрасте. Еще бы – Грановскому было затруднительно привлекать к тестированию детей. Но вот если ребенок пришел вместе с отцом...

– Нет, – сказал я. – Мне кажется, что нет. Они все появились здесь позже тебя – кроме Ника, конечно.

Мои пальцы сами собой сжали столешницу, и я сделал усилие, чтобы не скривить лицо. Мне не хотелось, чтобы Олег знал. Ни к чему это. Никому от этого не будет лучше, и ему – в первую очередь. Как он будет драться с ними, если узнает, что на их стороне его сын?

Я начал судорожно думать, на какую бы тему аккуратно перевести разговор, но меня избавили от этой необходимости. Сперва в моей голове послышался громкий, ритмичный стук метронома – тот самый, что я некогда слышал в Черно-

лесье в свою первую ночь здесь. Я тут же вскочил с лавки, Олег и ребята повскакивали тоже – они слышали звук не хуже меня, и отлично знали, что он не предвещает ничего хорошего.

Следовало готовиться к нападению, но времени на это у нас не было, так как уже в следующую секунду скрипучая дверь трактира слетела с петель, глухо ударившись о земляной пол. То, что появилось на пороге, я сперва принял в темноте за воина в тяжелых доспехах. До тех пор, пока оно не запрокинуло назад голову – почти лишенный плоти череп – и не издало свистящий вой, настолько громкий, что мне стало страшно за свои барабанные перепонки. Энциклопедия нежити, в которую я недавно вложил уже четвертый перк, сконфуженно молчала – существо это не было простым порождением Чернолесья.

На секунду я был парализован, однако затем оцепенение спало, и я схватился за крикет, выпалив твари прямо в грудь. Коморку заволокло дымом, но крик не прекратился, а лишь сменил тональность на еще более высокую и отвратительную, а сверху, из-под крыши раздался противный писк, хлопанье крыльев и шелканье челюстей. Одновременно с этим из-за спины орущей твари в трактир с ревом ворвались два или три существа, отдаленно похожих на собак с оскаленными костяными мордами. Вот эти в энциклопедии были – *баргесты, гончие смерти. Крайне опасны в стае. Проворны и имеют хорошо развитый коллективный интеллект. Чрез-*

вычайно активны на холоде, но уязвимы к огню.

Старик, глухо вскрикнув, бросился в подпол. Вика закрыла уши ладонями, разинув рот в безмолвном крике. Тим размахнулся, метнув кинжал навскидку и выхватил из-за пояса два других.

Олег схватился за свою алебарду, попытавшись нанести удар, но лезвие врезалось в низкую потолочную балку, выбив из нее щепки и наглухо застряв. Он изо всех сил дернул ее назад, отчего балка с треском просела вниз, но этой секунды одной из тварей оказалось достаточно.

С громким шипением выползшее из прорехи в крыше существо, похожее на черного кузнечика, впилося Олегу в горло, сдавив его черными осиными челюстями. Кровь брызнула во все стороны, покрыв стены вишневыми брызгами. Я тут же рубанул тварь крикетом, рассекая почти надвое, и она повалилась на пол, оставив Олега оседать на лавку с разорванным горлом.

Отчаянно вскрикнула Вика. Оправившись от шока, она бросилась Олегу на помощь – у меня же времени не было. Тим яростно отбивался от нападавшей со всех сторон воющей и стрекочущей нежити, уже от правив обратно в загробный мир не меньше трех насекомоподобных существ. Одна из четвероногих тварей вцепилась ему в ногу, и он, шипя от боли, старался покрепче приложить ее об угол.

Я бросился ему на помощь, изо всех сил долбанув существо носком сапога в область хребта – туда, где скрывался

энергетический центр, заменяющий этим тварям мозг. Баргест разжал челюсти и прынул в сторону, но тут же бросился уже на меня, и мне пришлось отбиваться древком крикета, которое он прикусил до щепок. Лишь после этого я сумел всадить ему в хребет свое огненное лезвие на всю длину, от чего баргест рухнул на пол, лишь разок конвульсивно дернувшись.

Тим в это время, размахивая кинжалами, оттеснял в сторону выхода двух других псов. Те, словно настоящие собаки, сперва прижались к ногам существа в дверях, а затем, будто повинувшись его приказу, атаковали снова – резко и отчаянно.

Выбросив вперед кинжал, Тим с хрустом всадил его подгнившие ребра по самую рукоять, а затем стал резать тварь вторым кинжалом, стараясь добраться до хребта. Я в это время ударом сапога отбросил ее собрата назад к дверям, приготовившись в следующий раз рубануть крикетом как следует.

Но в это время костяной монстр в дверях вновь испустил надрывный вой, от которого меня пробрала дрожь, а руки стали ватными и едва не выронили оружие. Воспользовавшись заминкой, чудовищный пес ринулся в атаку снова, а со стороны крыши послышался новый шелест тонких крыльев и стрекотание, не предвещавшее ничего хорошего.

В этот момент Вика, до этого не участвовавшая в схватке, издала яростный крик, сорвав с запястья кожаный браслет с вышитым узором. Секунду спустя темную залу трактира озарила яркая вспышка, а в руках у Вики очутилось нечто,

похожее на огненную плеть, которую она выбросила с сторону атакующего пса. Тот не успел издать ни звука, мгновенно обратившись в кучу обгорелых костей. Следующая плеть ударила вверх, где из прорехи в крыше выбиралось черное насекомое. Переднюю половину существа будто слизнуло огнем в один миг, а остатки безжизненно рухнули на пол. Та же судьба постигла его собрата.

После этого плеть погасла, а Вика, плача от боли осела на лавку. В свете последней вспышки я успел заметить, что ее запястье покрылось волдырями, словно от сильно ожога.

Существо в дверях как раз перестало вопить и сделало шаг внутрь трактира, и я смог его рассмотреть. Похоже, виденного мною когда-то в лесу возле Кернадала усиленного скелета жители Урда смогли усовершенствовать еще сильнее. Монстр весь состоял из бугрящихся костяных наростов – на вид чрезвычайно прочных. Пуля из крикета, попав ему в грудь, сделала вмятину с расходящимися от нее трещинами, но большого ущерба не нанесла.

В эту-то вмятину я и врезал, размахнувшись так, что едва не вывихнул руку. Лезвие глубоко увязло в кости, сухо треснувшей, словно дерево. Существо покачнулось, а затем выбросило вперед костлявую руку, пытаясь схватить меня за горло.

Остановив его руку своей и увернувшись от противно щелкнувших зубов, я вырвал топор из его груди и попытался нанести новый удар, но теперь уже тварь сама схватила меня

за руку, больно сжав запястье костяными пальцами.

Пустые глазницы существа уставились в мои глаза. На секунду в них что-то сверкнуло, метроном в голове заработал быстрее, наращивая громкость, а существо разинуло безгубый рот для нового крика. Я же воспользовался заминкой, чтобы вызвать красную сеточку телекинеза и захватить ею тонкую, состоящую почти из одного хребта шею твари. Отчаянное усилие, от которого перед моими глазами поплыли фиолетовые круги – и хребет твари треснул пополам, а секунду спустя мертвец осыпался на пол безжизненной грудой костей и плоти, а я бросился наружу.

На улице ветер бросил мне в лицо пригоршню мокрого снега, и я на секунду приостановился, соображая, куда бежать. Чутье на нежить не относилось к числу моих прокачанных навыков, да и тот, кого мне предстояло найти в обступившем трактир лесу, нежитью вовсе не был. Это был человек, егерь, такой же, как я. И он был совсем недалеко – полноценно управлять тварями с большого расстояния не вышло бы. Это не то же самое, что гнать огромную волну мертвых на Кернадал – тут более тонкая работа.

Сжав пальцы, я вызвал лезвие – синее с красным языком пламени посередине – и стал водить им из стороны в сторону. Где ты? Кто бы ты ни был, я должен тебя почувствовать сейчас. Ты пришел за моей жизнью – ну, так попробуй возьми ее.

С этой мыслью я вышел прямо на дорогу – туда, где ме-

ня лучше всего было бы видно из леса. Я был почти уверен, что некромант, где бы он ни был, сейчас меня видит. И мучительно думает – стоит ли обнаруживать себя.

Его послали покончить со мной. Он натравил на меня свою нежить, но не преуспел. И вот теперь выпал отличный шанс – вот только повезет ли ему?

Попасть в мишень в темноте, среди валящего с неба мокрого снега, тоже не самая простая задача.

Ну же, попробуй, рискни.

Слева от меня, в кустах орешника, грохнул выстрел. Пуля с противным воем пронеслась в считанных сантиметрах от моего затылка. Что ж, попытка была неплоха.

Резко, с места, я рванулся в сторону куста, вокруг которого расплывалось облачко порохового дыма. Шелест листьев подсказал мне, куда побежал сидевший там человек – вверх по склону небольшого холма, в сторону от дороги.

Я бросился следом, моля всех восьмерых Мучеников о том, чтобы не переломать себе ноги в ночном лесу. Человек в черном плаще, бежавший впереди меня, не уступал мне ни в скорости, ни в ловкости. Он уверенно перемахивал через поваленные деревья, легко взлетел по склону вверх и пару раз едва не скрылся из виду, растворившись во тьме.

Но я не отставал. Способности егеря позволяли мне неплохо видеть во тьме, а торопливые шаги на хвойной подстилке было слышно хорошо. О, если бы у меня оставался еще заряд в крикете – со своими способностями, я наверня-

ка мог бы всадить пулю в эту мразь, даже на бегу и в темноте. Но увы – стрелять было не из чего.

Земля здесь промокла от дождей, а зимним морозом ее еще не схватило, да, наверное, и не схватит в здешних теплых местах. Пару раз я едва не шлепнулся в грязь, на чем моя погоня, вероятно, и закончилась бы. Но в последний момент мне удавалось удержать равновесие, схватившись за ветку.

Листья хлестали мне по лицу, вдобавок дождь еще усилился, а я стал чувствовать, что задыхаюсь, и мне стало ясно, что еще немного, и я, все-таки потеряю противника из вида. Он как раз достиг широкой поляны, бросившись бежать к другому ее краю, я же осознал, что, дав ему добежать до чернеющей полосы леса, упущу его навсегда. Остановившись, я вновь вызвал телекинетическую сетку, постаравшись сконцентрировать ее на сапоге врага. В лесу, когда фигура противника то и дело скрывалась за деревьями, мне бы это ни за что не удалось, но на открытой местности у меня появился шанс.

Я попытался захватить ногу сеткой, но она лишь рассыпалась беспорядочной паутиной красных линий. Еще одна попытка – и снова неудача. Черная фигура уже почти добралась до противоположной кромки леса, а я провожая ее взглядом, полным бессильной ярости, попробовал ухватиться в последний раз – на следующую попытку времени не осталось.

Красные линии появились перед моими глазами, и я по-

пробовал ухватиться ими за каблук сапога, который мне отсюда было уже плоховато видно, но вместо этого они, моргнув, окутали сеткой плащ беглеца. Собрав всю свою силу в кулак, я отчаянно дернул плащ на себя, и человек, не добежав нескольких шагов до спасительных зарослей, опрокинулся на спину, глухо вскрикнув и взметнув грязные брызги.

Конечно же, он тут же оперся о землю и стал подниматься на ноги, но секундной заминки мне хватило. Рванувшись вперед, я в несколько отчаянных прыжков преодолел расстояние между нами, и ухватил его за ворот плаща, готовясь прижать лезвие крикета к горлу.

Лишь на секунду я успел увидеть его лицо – знакомое, конечно же. Я догадывался, кто это будет, хотя и надеялся, что это будет кто-то из новых, кого не так жалко будет пытаться при необходимости.

Но нет, передо мной было бледное от страха и испачканное осенней грязью лицо Андрея. Что-то во мне надорвалось при виде его – я сразу же подумал об Олеге, который, возможно, прямо в эту секунду умирал в грязном трактире от укуса твари, насланной его собственным сыном. Знает ли Андрей, кто был там со мной? Скорее всего, нет.

Но сказать об этом посланцу Ника я не успел. Едва показавшись мне, лицо Андрея превратилось в отвратительную маску смерти – стало стремительно разлагаться, чтобы через считанные секунды превратиться в оскалившийся череп.

Он ушел от меня тем же способом, что и в прошлый раз

– там, в Клугстере. Вот только на сей раз я знал, что он все еще жив.

Когда я вернулся в трактир, то застал там Вику, отчаянно рвущую на части дрожащими пальцами амулет – явно уже не первый, в попытках помочь задыхающемуся на столе Олегу с kloкочущей раной в горле. За ее спиной стояли бледные Тим с Кириллом, коморка была вся завалена телами нежити, а хозяин тарасил из подпола безумные глаза, схватившись за голову и нашептывая молитвы.

Едва я вошел, Вика повернулась ко мне и уставилась так, словно ждала от меня помощи.

– Я ничего... не могу... не получается, – прошептала она.

Взглянув на израненное тело Олега, которые ребята до моего прихода пытались наскоро перевязать, но без особого успеха, я сразу понял, что дело очень плохо.

Я подошел к столу, легонько отстранив Вику, и взглянул на Олега. Кажется, он был в сознании, и при моем появлении даже потянулся ко мне, силясь что-то сказать, но, конечно, не смог.

Никакими медицинскими или магическими навыками я не обладал, и меня буквально разрывало изнутри от мысли, что человек, спасший меня когда-то в глубине Чернолесья – напуганного, сходящего с ума – сейчас умирает, а я ничем не могу ему помочь.

Я напрягся, призвав красную сеточку телекинеза. Нельзя ли так что-то сделать? Захватить ткани и сосуды на одном краю раны, притянуть к другому?

Попытка была отчаянной, но ничего другого в запасе у меня не было. Быстро-быстро я стал водить взглядом по ране, стараясь принять в захват то один ее край, то другой. Ничего не выходило – сетка мигала перед глазами, показывая, что дурацкий интерфейс не понимает, чего я от него хочу. Наконец, захват как будто активировался, причем на обоих краях раны разом, но едва я попробовал потянуть их друг к другу, сеточка тут же замигала снова, и я едва не саданул кулаком по столу от злости.

Олег испустил протяжный стон. Его подбородок сделал несколько судорожных движений, словно он силился что-то проглотить, после чего по телу пробежало дрожь, а затем оно обмякло и застыло.

Глухо заплакала за моей спиной Вика. Тим саданул грязным кинжалом в стену и выругался.

Я вновь взглянул на безжизненное уже лицо Олега, думая о том, догадался ли он, кто именно его убил. Вряд ли. Но если вдруг да, то насколько ужаснее ему было умирать, зная это. Больше десятка лет искать потерянного сына и найти его вот так. Мне стало ужасно, до дрожи в ногах жаль этого крепкого мужика, прожившего здесь такую странную жизнь.

И в этот момент я увидел, как где-то у самого
– Ребят, вы тоже это видите? – уточнил я.

– Что? – спросила Вика за моей спиной. – Что видим?

– Вот этот свет белый... – неуверенно произнес я.

Тим обошел стол и внимательно взглянул на меня.

– Ром, тебе бы это... как-нибудь отвлечься, что ли... – произнес он дрогнувшим голосом. – Пойдем на улице постоим – все равно ведь спать никто уже не будет. Нет здесь никакого света.

Я осторожно протянул пальцы к сфере, зависшей в нескольких сантиметрах от тела и слегка покачивающейся в воздухе, словно светлячок, трепещущий крыльями. Она двинулась навстречу моей руке и секунду спустя соприкоснулась с ней, легонько кольнув при этом, словно ударив слабым электрическим разрядом. А затем исчезла в моей ладони.

Глава 3

Когда из-за поворота лесной дороги показались заснеженные башни Кернадала, мне на секунду показалось, что я приехал куда-то не туда. Не в полуразрушенную лесную крепость, приют нескольких десятков изгоев, а в средних размеров город, да еще и в период ярмарки.

Лесная поляна была запружена возами, изрыта колесами и конскими копытами. Отовсюду слышалось лошадиное ржание, стук топоров, ругань и смех. Со всех сторон замок окружили неопрятные палатки и свежеотрытые землянки. Тут и там курился дым от многочисленных костров, а земля вокруг крепости превратилось в сплошное месиво из грязи, снега, золы и нечистот.

Едва протиснувшись между двумя телегами и оказавшись на грязной улице этого странного посада, я наткнулся на Матвея – парня, который некогда помогал Сергею по хозяйству после отъезда Ланы. Его я оставил в замке за старшего, когда уезжал ко двору, поручив хоть немного отремонтировать стену. Но застать по приезду такое я никак не ожидал.

Матвей – высокий парень лет двадцати пяти, выбритый налысо – о чем-то спорил охрипшим голосом с молодым рыжеволосым детиной, одетым, как городской подмастерье.

– О, Рома! – воскликнул он, увидев меня, с явным облегчением, поспешил мне навстречу, прихрамывая на правую

ногу, и заговорил громче, чем нужно. – Ты это... классно, что приехал! Тут жуть, что творится!

В общем-то, я уже и так догадался.

– Кто это? – спросил я, указывая на толпу вокруг. – Откуда они все здесь?

– Беженцы, – ответил Матвей. – С севера. Услышали про битву и решили, что здесь сейчас безопаснее всего.

– Очень опрометчиво с их стороны...

– Так я им всю дорогу это твержу! – заводился Матвей. – Сперва-то они понемногу приезжали, по одной семье. Мы думали: чего бы не приютить людей? Ну, пускали, конечно, в крепость. А потом началось! По двадцать, по тридцать человек в день приезжает, и с каждым днем все больше. Слухи-то далеко разносятся! Пробовал их заворачивать – так они ни в какую! Хотим, говорят, присягнуть его высокоинородию, чтоб он нас защитил. Ты это... смотри, сейчас как узнают, что ты приехал, тут такое начнется! Среди них уже такие легенды ходят, что ты чуть ли не новый Мученик!

– Для этого, вроде бы, нужно сначала погибнуть.

– Так-то оно так, да разве их вразумишь! Говорят: хотим быть подле нашего защитника. Ничем не проймешь. Убеждали и что опасно здесь, и что провизии нет – ни в какую. Один раз мертвецы из леса вылезли. Обычные, неуправляемые. Целую семью переубивали, двух детей разорвали на куски – так даже это их не убедило. Говорят, защитит нас егермейстер, как приедет.

– И как, тяжело здесь? – спросил я.

– Ну, а сам как думаешь? – мрачно усмехнулся Матвей. – Поначалу-то их в крепость пускали, размещали внутри. Потом пришлось всех за стену заворачивать. Они бунтуют – жить негде, на дворе холодно, у некоторых дети... Позавчера толпой ломились в ворота – чуть до стрельбы не дошло. Только тем и утихомирил, что со дня на день егермейстер приедет.

– Вот приедет барин, барин нас рассудит, – проговорил я себе под нос.

– Типа того, – кивнул Матвей. – За каждый мешок зерна – драка. Некоторые охотятся ходят – так после этого дележка хорошо если поножовщиной не кончается. Бардак, в общем.

– Ты бы их организовал как-нибудь, что ли, – сказал я. – Ну, чтоб работой какой занялись на постоянной основе, раз уж они тут.

– Да я пробовал, – Матвей поскреб небритую щеку. – Да на них ведь где сядешь, там и слезешь. Одну башню, вон, восстановили – и то считай своими силами. Вторая до сих пор в руинах. Стены кое-как залатали, но держатся они на соплях, весной перекалывать придется. А этих попробуешь к чему привлечь – отговариваются тем, что пусть им это егермейстер скажет. Последнюю неделю я только и ждал, что ты приедешь и поговоришь с ними.

– И что ты хочешь, чтобы я им сказал? – уточнил я.

– Ну, а что тут еще скажешь? – пожал плечами Матвей.

– То же, что я каждый день говорю – только поубедительнее. Ты это... скажи, что здесь опасно, и что мы их защитить не сможем. И еды тоже нет. И в любую минуту может толпа нежити нагрянуть. Что им нужно идти в Брукмер или куда-нибудь еще дальше. В Крюстер, я не знаю. В Карнару. В Ансо. К черту на рога – лишь бы отсюда подальше.

Я поднял глаза к низким серым облакам, нависшим над Чернолесьем и готовым в любой момент просыпаться новым зарядом снега. Посмотрел, как пар от моего дыхания медленно поднимается вверх.

– Ладно, давай соберем народ, – сказал я. – Я пока подумаю, что лучше сказать.

Толпа собралась на площади перед воротами, которую перед этим расчистили от возов и мусора. Несколько сотен людей – многие в оборванной, не по-зимнему легкой одежде – сгруппировались напротив надвратной башни, взволнованно гудя, словно потревоженный улей.

Я подошел к обшарпанному зубцу крепостной стены и остановился, разглядывая этих людей, смотревших на меня с надеждой, но и с некоторым недоверием. Кажется, они ожидали увидеть кого-то постарше меня, и теперь испытали разочарование: и это-то и есть тот самый егермейстер?

Но я успокоил себя тем, что для этих людей, выросших в средневековом мире, социальное положение человека на-

много важнее, чем его возраст. В конце концов, все они именovali своим мудрейшим повелителем мальчишку, от горшка два вершка, и не видели в этом ничего странного. Я же для них, хоть и мелкий, но, все же, лорд – пусть и никак не свыкнусь до сих пор с этой мыслью. А значит, имею право смотреть на них сверху вниз, в том числе и буквально – с крепостной стены.

– Тихо! – гаркнул своим хриплым голосом Матвей, а затем закашлялся, прижав ладонь к горлу. – Его высоко... ино-родие... гх... говорить будет!

– Приветствую вас, – произнес я в наступившей тишине. – Меня зовут Руман из Брукмера, я егермейстер Кернадала.

Последние остатки разговоров стихли, и я увидел, как сотни глаз уставились на меня с любопытством и напряженным ожиданием. Некоторые старались привстать на цыпочки, чтобы рассмотреть человека, о котором столько слышали. Где-то в заднем ряду отец посадил мальчишку лет шести на плечо.

Взглянув на это озеро из человеческих голов, я отчетливо осознал, что не могу их подвести и разочаровать. Что я теперь в ответе не только за десятки егерей, но и за этих людей тоже. Эта мысль на секунду заставила меня сгорбиться, словно я взвалил на плечи тяжелый мешок.

– Мне сказали, – продолжил я, – что многие из вас пришли в это место в надежде на защиту. И с этой минуты все вы находитесь под защитой егермейстера.

Мне показалось, что Матвей за моей спиной едва не подавился. По толпе пробежал взволнованный шепот. Подумалось, что вот-вот раздадутся радостные крики, из-за которых я не смогу договорить.

– Но эта защита не дается просто так, – проговорил я скороговоркой. – С этой минуты каждый, кто хочет иметь защиту, должен трудиться.

– Вот этот человек, – я указал на стоявшего слева от меня Морионе, – сегодня отберет мужчин для охраны замка. Господин Матвей, которого вы все хорошо знаете, отберет из оставшихся тех, кто будет ухаживать за крепостью и лагерем. Из остальных, включая женщин, госпожа Гульда выберет тех, кто поможет ей со стряпней и уборкой, а также охотников и сборщиков хвороста. Все будут работать и вносить свой вклад. За все это я обещаю еду – насколько ее хватит – и безопасность – доколе есть те, кто держит в руках меч. Это все, что я сегодня могу вам пообещать.

– А дети?! – раздался в толпе озабоченный женский голос. – Дети-то как?!

– Дети с сегодняшнего дня живут все в крепости, – объявил я. – Госпожа Гульда выберет тех, кто будет за ними следить. Им я выделю помещения в дальней башне, включая свой кабинет и спальню. Их тоже будут кормить, пока есть еда. Кто постарше – привлечем к работам.

– А точно защитите? – слышалось откуда-то сзади. – На вас вся наша надежда! У нас теперь ни домов, ничего!

– Клянусь! – ответил я. – Девиз Кернадала – не бросать доверившихся.

Откровенно говоря, девиз я придумал только что.

Вид у Матвея был кислый.

– Зря ты их так обнадежил, – он покачал головой, разгребая снег носком сапога. – Лучше бы было их куда-нибудь сплавить.

– Куда? – спросил я. – Дороги замело, идти им некуда.

Матвей раздраженно пожал плечами.

– Я все понимаю, – ответил он. – Но мы ведь тоже не обязаны всех спасать. Мы же не святые угодники, в самом-то деле?

– В общем-то да, – ответил я. – Но, боюсь, нам придется побыть тут за них какое-то время.

– Ну, окей, – ответил он. – Тогда с тебя план, как накормить кучу народу пятью хлебами. В идеале еще бы научиться превращать воду в грушевку, а то у нас как раз кончается. Ладно, я пошел набирать себе помощников, а то западную стену надо бы укрепить, да и частокол вокруг всего этого вертепа не помешает. Прямо завтра с утра и начнем.

Едва он удалился, скептически покачивая головой, ко мне приблизился наблюдавший за нашим разговором Морионе.

– Ты отлично все придумать и сказать, – похвалил он, хлопнув меня по плечу. – Теперь дела идти... словно масло,

да? Теперь только нужно хотя бы несколько деревень... это...
взять в захват, да?

– Каких деревень, ты о чем, капитан? – спросил я.

– Один замок – нельзя, – Морионе покачал головой. – Еды нет – голод, все разбегутся. А вот деревни бесхозные подмять – и отлично. Сейчас война – бесхозных много.

Пару секунд я обдумывал предложение.

– Нет, захватывать деревни мы не будем, – ответил я, но без особенной уверенности. Ревизия припасов Кернадала привела меня в уныние – было совершенно очевидно, что еды хватит недели на три – и то если отчаянно ее экономить. А потом? По кернадальской дороге мы прошли едва-едва: завалы снега доходили кое-где Джипу до брюха. Даже если мы достанем где-то зерно и скот, как их доставить сюда до весны?

Вопросы падали на меня один за другим, придавливая к земле. Я спускался по холодной винтовой лестнице, чувствуя, что меня будто затягивает какой-то водоворот.

Но едва открыл скрипучую дверь и вышел на крепостной двор, как столкнулся внизу с Матвеем, который, оказывается, никуда не ушел, а, дожидаясь меня, переминался с ноги на ногу возле крепостных ворот.

– Я это... еще о чем хотел попросить, – начал он. – Ты с Ксай бы еще поговорил, что она вообще думает. Ты как уехал – она почти не выходит на свет божий. Восстановила лабораторию, которую тогда нежить разгромила, и теперь сидит

там почти безвылазно. Кто ее знает, о чем думает?

— Так сам бы поговорил, — сказал я, пожав плечами. — Она не кусается. Ну, почти.

— Ты знаешь, я на нее как взгляну, так мне как-то не по себе становится, — ответил Матвей, передернув плечами. — Все-таки, она была там в Урде, с теми... и кто ее знает...

— Ксай — мой друг, — ответил я. — Я кого угодно скорее заподозрю в работе на Ника, чем ее.

— Да я и не говорю, что она непременно на Ника работает, — Матвей отвел глаза. — Но ты оставил меня тут за главного, и я хотел держать все под контролем. А какой тут контроль, когда не знаешь, что человек выкинет завтра? По ночам у нее там свечение какое-то. Один раз такой дым повалил, что я думал — пожар. А на днях

Матвея можно было понять. Раненный еще в самом начале сражения за Кернадал, он провел большую его часть, запертым в погребе, и о случившемся дальше знал только из рассказов. История появления Ксай в виде лазурного дракона была настолько фантастической, что он, кажется, не особенно в нее поверил.

Когда я поднялся на верхний этаж башни, которую когда-то занимала Степина лаборатория, то обнаружил дверь комнаты открытой. Ксай сидела прямо на подоконнике в легкой куртке, и я даже поежился — никакого стекла здесь не

было, она сидела на самом ветру. Впрочем, вспоминая ее в Урде, я подумал о том, что ей, наверное, не привыкать.

При моем появлении Ксай улыбнулась и хлопнула ладонью по подоконнику рядом с собой. Я уселся рядом с ней на холодный камень.

– Привет, – сказала она, поправив синюю прядь волос. – Здорово, что ты вернулся. Как в Карнаре? Король нам поможет?

Я покачал головой.

– Плохо все, – сказал я. – Рассчитывать надо только на себя. Зима будет тяжелой. Весна, наверное, еще тяжелее. Если мы до нее доживем.

Ксай легонько дотронулась до моего плеча.

– Ничего, – ответила она. – Судя по тому, что я видела в Тарсине, помощь придет. Нам совсем немного нужно продержаться.

Мне почему-то стало неловко от ее прикосновения.

– Ну, а ты как тут? – решил я сменить тему.

– Так себе, – ответила Ксай. – Вроде бы, все нормально относятся, но как-то стороной обходят. Сам понимаешь, кто я для них.

– Ты прости, мне, наверное, следовало взять тебя с собой, но...

– Да я понимаю, – ответила она, принужденно улыбнувшись. – Там бы меня, чего доброго, еще на костре сожгли, если бы смогли, конечно. А если бы не смогли... В общем,

тебе эти приключения не нужны в любом случае.

– Что делала здесь?

– Работала, – Ксай кивнула в сторону комнаты, пол и стены которой были изрисованы сложными геометрическими фигурами, а в центре расположился стол с разложенными на нем разноцветными камнями и кожаными ремешками. – Здесь, конечно, все немного примитивнее, чем в Урде, но тоже много интересного. Тот парень, что раньше тут экспериментировал, неплохо разбирается в магии. Жаль, большая часть его работы погибла во время боя.

– Ты не жалеешь о том, что мы сделали? – спросил я. – Там, в пирамиде?

Ксай помотала головой.

– Знаешь, я никогда не говорил с тобой об этом после случившегося, – начал я. – Но я иногда и сам начинаю сомневаться. Мы ведь могли вернуться домой. Наверное. Это все закончилось бы.

Ксай внимательно взглянула на меня.

– Я тоже часто думаю об этом, – сказала она. – Ты ведь понимаешь, что едва оказавшись здесь, я встретила Ника, и...

Она на секунду замолчала, нервно сглотнув.

– Я понимаю, – сказал я, кивнув. Я в самом деле хорошо понимал, что она имеет в виду. План спасения был таким ясным, а человек, его предложивший – таким обаятельным. Разве можно было предположить, что во всем этом есть ка-

кой-то подвох?

– Он ведь до сих пор верит в то, что он прав, – тихо сказала Ксай. – А мы для него – просто одураченные иллюзией предатели.

Она замолчала на секунду, а потом добавила: «Особенно, я».

– Неважно, что думает он, – твердо произнес я. – Мы видели то, что видели. И приняли решение. Даже если это была иллюзия... лучше в иллюзии остаться человеком, чем разрушить ее и стать скотом.

– Ты правда так думаешь? – Ксай взглянула на меня, задумавшись на секунду. – Знаешь, мне было важно узнать, что ты считаешь именно так. А домой... мы еще вернемся. Знаешь, от кого я об этом знаю?

Я помотал головой.

– От одной нашей общей знакомой, – Ксай улыбнулась, чуть наклонив голову набок. – Она показала мне одно из своих видений, и я почувствовала, что оно настоящее.

– Расскажи. Кого ты там видела? – спросил я, вздрогнув.

– Тебя, – ответила Ксай. – Ты стоял спиной ко мне возле какой-то двери, или ворот. Точно не помню, все как в тумане.

– Такая же дверь, как там, в пирамиде? – спросил я. Мое сердце дрогнуло при одной мысли, что придется вернуться туда или оказаться в похожем месте.

Ксай легонько передернула плечами – не то от холода, не

то от воспоминания.

– Нет, совсем другая, – ответила она. – Там... как тебе сказать... обстановка совсем непохожая. И тепло было, солнечно. Ты стоял перед дверью и то протягивал к ней руку, то снова отстранял – и так несколько раз. Словно боялся, что она тебя укусит. А я смотрела тебе в спину – кажется, ты не знал, что я здесь.

– И что сие означает? – спросил я.

Она пожала плечами.

– Это как-то связано с победой над Ником? Ради этого придется открыть еще какую-то дверь?

Ксай вздохнула.

– Если бы я знала... – тихо проговорила она.

Матвей предложил мне ночевать в комнате Сергея которую до сих пор держали нетронутой, но я твердо решил что она пойдет детям. Пообещав такое, не сдержать слово было нельзя.

Каменные коморки, в одной из которых я когда-то жил вместе со Степой, и которых в ту пору в крепости было больше, чем нужно, сейчас были забиты до отказа: егерями, солдатами, прислугой. Так что себе я отвел небольшой, пропахший пылью и птичьей жизнедеятельностью холодный чердак надвратной башни, большую часть которого занимал подъемный механизм с ржавой цепью.

Ребята помогли притащить туда короткую лавку и пару кресел, занявших почти все место, застелили их какими-то тюфяками, а одеяло заменил теплый плащ. Сквозь крохотное окошко было видно обрывок серого неба и россыпь ко-стров внизу.

Растянувшись на своем шатком ложе, я сложил пальцы прямоугольником, вызвав меню управления характеристиками, и стал рассматривать, к чему я пришел за эти три года.

В общем-то, я не был самым прокачанным егерем в Кер-надале, даже сейчас, после гибели Сергея, Равиля и Олега.

Восемьдесят шесть очков, вложенных в стрельбу из огне-стрела, благодаря которым я, целясь из крикета или мушке-та, видел перед глазами целую россыпь сияющих точек, обо-значающих поправки на ветер, на скорость, на дальность.

Семьдесят очков, потраченных на владение топором, да-вали плюс к выносливости, скорости удара и широте поля зрения, а также каким-то малопонятным образом облегчали пробивание брони. Без них меня давно сожрали бы болот-ные жупелы.

Три набранных дипломатических умения, позволивших мне, не тратя лишнего времени, изучить карнарский при-дворный этикет, научиться лучше читать по лицам здешних обитателей.

Несколько полезных второстепенных умений – например, позволявших правильно вырезать трофеи и опознавать мон-стров.

В общем-то, в этом плане, я был обычным средненьким егерем тринадцатого уровня. Особняком стоял только телекинез, тоже вписанный в перечень моих умений, но красным цветом. Как будто кто-то расписался в моем меню кровью.

И тут я заметил в правом нижнем углу меню какой-то кружок, которого раньше не было. Это было неожиданно: до этого момента я ни разу не видел изменений в интерфейсе менюшки. Неужели, она может обновляться? Это было бы очень странно.

Поколебавшись несколько секунд, я протянул палец и нажал на странный кружок. Он немедленно вызвал новый раздел меню, доселе мной невиданный. Здесь было всего две строки. Первая – видимо, заголовок – гласила: «Собранные образы». На второй значилось «Образ 1, Олег», а рядом мерцала уменьшенная копия той самой сферы, что я видел в ночь смерти Олега. Я нажал на вторую строчку. Секунду ничего не происходило. Но потом...

Я снова был в трактире, где завершился бой нежитью. Вот только я не стоял возле стола – я лежал на нем, хрипя разорванным горлом и сходя с ума: от дикой боли, от бессмысленного завершения глупой жизни, от собственного бессилия.

Это было невыносимо – ощущать, как мои друзья – молодые ребята – силятся мне помочь, и видеть беспомощную жалость в их глазах. А еще пришла мысль о сыне – где он сейчас? Кольнуло в сердце какое-то странное чувство, что

он сейчас очень близко – или было только что. Чувство переросло в железобетонную уверенность. Откуда оно взялось? Просто предсмертное видение, или прозрение, которое даруется человеку, когда он уже ничего не в силах изменить?

Я посмотрел в глаза Ромы, склонившегося надо мной. Мне хотелось сказать ему: «А ведь ты, парень, соврал мне! Соврал ради моего же блага, наверное, а все-таки, соврал. Даже не знаю, прощаю ли я тебя. Скорее, нет, а впрочем...». Но вместо этой фразы из моего орла вырвался лишь сильный клекот, и дальше никаких осмысленных размышлений не было – только боль, мельтешение красных пятен перед глазами и бесконечная усталость в холодеющих руках...

Очнулся я на полу, трясущийся, со стиснутыми кулаками. Что это было? «Образ 1»... Неужто странная сфера – это некий сгусток предсмертных впечатлений Олега? Но зачем они мне? И как я сумел их заполучить? За годы, проведенные в Чернолесье, я ни от кого никогда не слышал о том, что бы от егерей после смерти оставались такие сферы.

Тяжело дыша, я ощупал пальцами свое лицо. Мне было важно убедиться в том, что я – это все еще я. Снова вызвав меня, я стал всматриваться в сферу, лучащуюся каким-то холодным, хирургическим светом.

После странного погружения в предсмертные минуты Олега я почувствовал, как в мою голову помимо воли начинают просачиваться и другие его воспоминания – об одиноком блуждании по окрестностям Чернолесья, о службе в ба-

ронской дружине. О том, как они встретились с Сергеем и вместе восстанавливали почти заросший лесом Кернадал, о безуспешных поисках сына...

Я вдруг вспомнил свою первую встречу с Олегом, и как я гадал, человек ли он или просто NPC, созданный Грановским, чтобы ввести меня в базовые концепты игры. После того, что я только что пережил, сомневаться уже не приходилось – рядом со мной все это время был настоящий человек – глубоко несчастный и одинокий.

Глава 4

Нелегкая судьба чернолесского егеря давно приучила меня засыпать, где придется: в лесу на голой земле, на грубо отесанной лавке в трактире, на утоптанном полу крестьянской избы. В этом смысле кровать, составленная из двух кресел в тесной кернадальской гостиной, была далеко не худшим ложем в моей жизни. Вот только сон совсем не шел ко мне в эту ночь.

Я ворочался, пытаюсь устроиться получше. То заворачивался в плащ, то вновь раскрывался. Вставал выпить грязноватой холодной воды из стоявшей тут же бочки. Наконец, уселся на лавку и стал смотреть в узкое окошко на разбросанные по крепостному двору костры и дальше – туда, где черное небо смыкалось с таким же черным лесом.

У меня никак не шла из головы белая сфера, полученная от Олега. Можно ли сказать, что это душа? Если так, то от обладания подобной... вещь у меня мурашки по коже. Я не должен таким владеть, я должен как-то отпустить ее. Но как? В моем меню такой кнопки не было.

Ничего не придумав на этот счет, я решил поразмышлять лучше о насущных проблемах. Нужна была ревизия кернадальских закровов, чтобы понять, насколько еще хватит еды и прочих припасов. Нужно было решить, на какие работы первым делом направлять людей. Укрепить стену? Или, мо-

жет быть, сперва настроить хотя бы самых примитивных домов, чтобы люди не ютились кучей на крепостном дворе? Тут ведь уже и до эпидемии недалеко.

Но, с другой стороны, если люди расселятся подальше от замковых стен, то как их там защищать? Нежить ведь никуда не делась. Многие люди, вероятно, и не захотят перебираться из укрепленного и защищенного замка к ней в зубы. И как тогда? Выгонять силой?

Я понял, что не знаю ответов на все эти вопросы и что с удовольствием предпочел бы не решать их вовсе, свалив на кого-нибудь другого. Но никого другого нет: Матвей не особенно справился тут без меня, да его, кажется, не слишком-то слушаются. Надо брать дело в свои руки.

Я поднялся с лавки взял в руки лежавший на кресле вместе с моей одеждой тяжелый медальон егермейстера и, машинально надев его на шею, стал рассматривать тускло мерцавшие синие камни. Что ж, не знаю, как там Шапка Мономаха, но эта штука явно была тяжеловата для меня. Однако больше ее носить некому. А раз так, придется нести до конца.

– Не спится? – спросил вдруг за моей спиной голос, от которого я сперва подпрыгнул на месте, а затем быстро потянулся к лежавшему возле ножки кресла крикету.

– Зря ты так, – отреагировал голос на мой бросок. – Я просто поговорить.

Я повернулся. Перед моими глазами был Анатолий Гра-

новский в черной монашеской рясе и потертом темном плаще. Казалось, он немного посидел с момента нашей встречи.

– Я поддерживал связь с Сергеем при помощи этой штуки, – произнес он, кивнув на цепь на моей шее. – Теперь ты принял его наследство, и общение со мной – его часть.

Мне, все-таки, очень хотелось схватить крикет и рубануть им лицо Грановского с его отрешенным выражением, хотя я понимал, что передо мной лишь призрак, голограмма, или что он там. Никакого вреда я ему не причиню, и, вероятно, лишь насмешу.

– И что же ты хочешь мне сказать? – спросил я, усаживаясь в кресло. – Ты садись, кстати.

– Да я постою, – призрак улыбнулся, поиграв лапами плаща. – Как там было... «гражданин судья, он не может сесть!».

Он усмехнулся как-то криво, сделал шаг ко мне и сложил руки на груди.

– И каково тебе в новом статусе? – спросил он, словно подслушал мои недавние мысли.

– Ничего, – ответил я. – Жить можно. Надеюсь, ты явился сюда не для того, чтобы подкалывать меня? В таком случае, лучше исчезни, а штуку эту я отдам в переплавку.

– Нет, – голос Грановского был спокойным, насмешки в нем не было. – Не для этого. Сергею я помогал – насколько мог. И тебе тоже могу помочь кое-чем, если ты не против.

– В таком случае, я слушаю, – ответил я, скрестив пальцы на груди и положив ногу на ногу.

– А ты изменился, – проговорил Грановский. – Стал совсем взрослым. Как говорится, «слышу речь не мальчика, но мужа».

– Благодарю, – ответил я. – Обстоятельства поспособствовали. Так что ты хотел мне сказать?

– Сказать я хочу вот что... – Грановский слегка нахмурился, видимо, формулируя вопрос в голове. – Ты был в Урде и ты вырвался оттуда, несмотря на то, что с тамошними обитателями у тебя явно не заладилось. Как тебе это удалось?

– А это важно? – спросил я. Мне вдруг показалось очень приятным то, что в этом мире есть нечто, что я знаю, а Грановский – нет.

– Это, вероятно, самое важное, что вообще следует сейчас обсуждать, – серьезно произнес он. – Давай даже так. Ты можешь мне всю историю не рассказывать, просто ответь на вопрос: тебе кто-то помог? Ты встретил в Урде кого-то достаточно могущественного для этого?

Поколебавшись секунду, я кивнул.

– Это были Странники, да? Кто-то из них?

Мои глаза встретились с его. Я кивнул снова.

– Значит, они тебя не проигнорировали, – Грановский удовлетворенно кивнул. – Ты должен найти их снова. Знаешь хотя бы примерно, где искать?

– Допустим, – я коротко кивнул. – Но зачем?

– Потому что только на них вся надежда теперь, – Грановский медленно покачал головой. – Все окончательно вышло

из-под контроля, и если не остановить Ника, то скоро здесь будет только выжженная земля и орды нежити. Я... совсем не на это рассчитывал, когда ввязывался в эту историю.

– Какого черта! – взорвался я. – Ты же что-то вроде здешнего бога, или Мученика, или кто ты там! Почему ты не можешь просто это все остановить? Он же убивает людей – и еще убьет. Он один страшнее, чем все Чернолесье.

– Я не Мученик, и тем более не Бог, – мне показалось, или Грановский вздохнул? – Сам же знаешь – чтобы стать Мучеником, нужно сперва умереть. А богом стать и вовсе невозможно. Я не смогу спасти ситуацию сам, и даже не смогу связаться со Странниками. Я пробовал – еще когда жил здесь. У меня не получится. Нужен кто-то, с кем они станут говорить. Кто-то такой же, как они.

– Кто они вообще такие?

– Люди из вашего мира, нашедшие путь сюда в своих снах задолго до твоего рождения... и до моего. Они приходят сюда и наблюдают, обычно не вмешиваясь. Но когда по-настоящему нужно... знаешь, я сильно подозреваю, что все восемь Мучеников – это на самом деле были они. Среди них всегда находился кто-то готовый пожертвовать собой, чтобы этот мир не поглотило зло. И не перекинулось на ваш.

– Они настолько могущественны? – уточнил я. – Если это так, почему в нашем мире никто о них не знает?

– Некоторых из них знают и в вашем мире, – сказал Грановский. – Понимаешь, Странники веками проникали в этот

мир... и, вероятно, не только в этот. Они приносили отсюда идеи, концепции, знания... Уверен, что немало книг, фильмов и прочих произведений в вашем мире имеет в своей основе нечто, вынесенное из других миров. И, соответственно, многие творцы – это те, кто связан с другими мирами. Так было веками. Давным-давно они были шаманами, пророками, жрецами. Потом стали говорить о своих странствиях в более метафорической форме, превратившись в разного рода творческих людей. Так или иначе, в этом мире они обладают более ощутимыми силами.

– И что же теперь? Я должен их найти и убедить помочь? С чего вдруг они меня послушают?

– Тебя – послушают, – уверенно заявил Грановский. – Таких, как ты, я не просто так отмечал синим камнем. Ты – один из них. Тот, кто может путешествовать между мирами и еще многое другое. Полагаю, помочь тебе будет для них делом чести.

– А почему было не сказать мне об этом с самого начала? – спросил я, сжав кулаки.

– А зачем? – произнес Грановский, пожав плечами.

Я сжал зубы, но ничего не ответил.

– Но я с самого начала вставил в твой интерфейс небольшую надстройку, рассчитанную на работу с их силами, – продолжил Грановский. – Ты ведь уже разобрался, верно?

– Ты имеешь в виду вот это? – спросил я, открыв свое меню и найдя там новую вкладку с воспоминаниями Олега.

– К сожалению я твое меню не вижу, – Грановский развел руками. – Но думаю, ты и сам понял, о чем идет речь. То, в чем Странники черпают свою силу. То, в чем черпает ее и наш общий знакомый Ник. Смерть. И то, что остается после смерти.

– Это что, душа? – задал я вопрос, не дававший мне покоя.

– Я бы так не сказал, – ответил Грановский. – В своем интерфейсе я назвал это образом. Это не душа. Это... как бы это лучше выразить... своего рода, фотография души. Ее статическое состояние, запечатленное в определенный момент. Но тем не менее, это очень серьезная штука. Знаешь ли ты, что именно такие образы, пройдя через мясорубку междумирья, превращаются в нежить, с которой ты сражаешься?

– Seriously? – спросил я, взглянув на мерцавшую в моем меню белую сферу по-новому. Значит, вот, как выглядят мои враги? До того, как они станут врагами.

– Да, – сказал Грановский тихо. – Кстати, если ты осторожно потянешь за нее, то сможешь взять в руки. Попробуй.

С некоторым недоверием я протянул пальцы к сфере и попытался взять ее. Я ждал, что она окажется бесплотной, как и само меню, и пальцы пройдут сквозь нее, однако она без труда отделилась от призрачного пергамента и оказалась в моих руках – гладкая, сияющая и чуть теплая.

– Если у тебя будет их несколько, можно будет выделить и взять их все разом, проведя пальцем вот так, – сказал Грановский, и сделал в воздухе движение пальцем вниз.

– Зачем это? – спросил я. – Что мне с ними делать?

– Боюсь, тут из меня не лучший учитель, – Грановский пожал плечами. – Найди Странников – они объяснят тебе лучше. Но на всякий случай, если ты захочешь передать образ кому-то другому – просто брось в его сторону. Это тоже предусмотрено моим интерфейсом.

Я взвесил сферу в руке, взглядевшись в ее матовую белизну. Станный снаряд. Едва ли он пригодится мне в качестве оружия. Да и как-то кощунственно это – бросаться последними воспоминаниями живых людей.

– У тебя мало времени, – произнес призрак. – Ситуация на континенте деградирует очень быстро. Не исключено, что к лету здесь не останется никого живого. Отсидеться в крепости не выйдет.

– Я и не собираюсь отсиживаться! – ответил я. – Но у меня есть обязательства. Не перед тобой – тебе я ничего не должен.

– А я и не прошу ничего для себя, – спокойно ответил Грановский. – Я-то сейчас в безопасности – в отличие от тебя и всех прочих, кто сейчас живет на Монланде. Подумай о них.

– Я думал о них прямо сейчас, – ответил я. – И у меня есть более насущные дела, чем гоняться за какими-то неведомыми шаманами. Но твой совет я принял к сведению. Ты сказал – я услышал.

Грановский покачал головой.

– Ты слишком вошел в роль, – сказал он. – Когда ты вернешься – если вернешься – тебе, должно быть, будет тяжело из нее выходить.

– Думаю, это не будет такой уж большой проблемой, – усмехнулся я. – Как-нибудь справлюсь.

– Что ж, увидимся, – Грановский невесело улыбнулся и растворился во тьме.

Но хотя после ухода призрака мне и удалось, наконец, уснуть, проснулся я раньше, чем хотелось бы, от громкого стука в дверь.

– Кто там? – спросил я, потирая наморщенный лоб и глядя одним глазом в окошко, за которым ночная тьма только-только начала сменяться тусклыми зимними сумерками.

– Ты прости, твое высокоинородие, – раздался за дверью хриплый голос Матвея. – Тут какой-то отряд к нам нагрянул. Во главе мужик – из наших, из егерей. Одноглазый: ни дать, ни взять – пират. Говорит, он с тобой знаком, а из наших-то его не знает никто. Я его во двор-то пускать поопасался – кто его знает, что за люди. У всех ружья, кирасы, на лошадях все. А мужик этот так разорался – матерится, на чем свет стоит. Причем, по-русски. Ты это... поговорил бы с ним, пока он там весь посад не разнес.

Зевая и застегивая на ходу куртку, я затопал вниз по уз-

кой лестнице вслед за несущим факел Матвеем, стараясь сообразить чугунной головой, кого это еще могло принести в Кернадал на мою голову. Еще и одноглазый? Таких я, вроде бы, не знаю.

За воротной решеткой в самом деле ждал колоритный кондотьер в черной куртке с мушкетерской перевязью, в хищном шлеме с гребнем и с черной повязкой на глазу. Увидев меня он сорвал шляпу, взмахнув ей над головой.

– О, дон Руман Московский! – воскликнул он. – А мне сказали, егермейстер сейчас выйдет. Где Сергей-то?

И тут я понял, кто передо мной.

– Макс! – крикнул я, бросившись ему навстречу и сам стал крутить заржавленный механизм подъемной решетки. Он в это время соскочил с лошади, и минуту спустя мы крепко обнялись.

– Нет больше Сергея, – сказал я, когда он разжал объятья. – Я теперь егермейстер. Ты что, не слышал, что тут было?

– Да мне там как-то было не до того, – Макс покачал головой и сплюнул на землю. – Когда эти мрази явились, я по северным городкам кочевал. Их первыми вырезали. Что там творилось – ты не представляешь. В иных местах кровь в канавах текла вместо воды – и это не фигура речи. Я сам видел.

– Пойдем, расскажешь, – сказал я. – Чего на холоде торчать! А что за люди с тобой.

– «Черные драгуны», – с гордостью произнес Макс. – Это мы так назвались. Лучший боевой отряд по во всей Кир-

хаймской марке. Лучший – потому что с некоторых пор, похоже, единственный.

Он мрачно усмехнулся. Я отдал распоряжение, чтобы его людям нашли какой-нибудь кров, а лошадей накормили, после чего мы с Максом поднялись в мою комнатуху, усевшись на жесткую лавку и прихлебывая из захваченных по дороге кружек жидковатую грушевку.

– Мне-то самому повезло в самом начале, – продолжил Макс рассказ, начатый еще на лестнице. – Деревню, где я заночевал, всего лишь краешком задело сперва – мертвяки стали то по одному, то по двое из леса переть. Ну, я мужиков собрал, частокол сбили, костры стали жечь, вилами эту нечисть колоть. Пару недель отбивались, ни один человек не погиб. А потом беженцы стали приходить, из других деревень и городов. Тут-то и стало ясно: началось.

Мужики, с которыми я к тому времени уже несколько дней бок о бок воевал, в один голос стали меня просить, чтобы я им сказал, что дальше делать. Как-то так само собой вышло, что выбираться мы стали вместе, и что я стал главным.

Оружие мы в баронском замке нашли, который мертвяки начисто вырезали. Стали помогать окрестным деревням, защищать беженцев, охранять дороги, на гнезда нежити нападать. Много народу погибло, конечно, но на их место становились новые – из тех, у кого семья погибла, или у кого и не было ее.

Форма у баронских дружинников была черная, мы ее себе

забрали и стали вроде как драгунами. Других войск в марке не осталось – если не считать тех, кто Кирхайм оборонял. Но они людям помочь ничем не могли, а мы – помогали. Про нас даже начали легенды ходить.

Потом еще солдаты из пикинерского полка к нам прибились, потом еще кое-кто. В общем, к началу зимы под моим началом уже две роты были.

Сначала-то мы хотели в Кирхайм прорваться и за стенами отсидеться, но потом поняли, что обложен он намертво. Даже если и прорвешься – это будет капкан. И тогда стали, наоборот, прорываться через занятые нежитью земли на юг. Ну, ты видел во дворе, что от двух рот осталось.

Я покачал головой. Насколько я успел заметить, с Максом в Кернадал явилось десятка три всадников. У одного не было руки. Двоим на вид было никак не больше четырнадцати лет.

– А сюда чего приехали? – спросил я. – Нет, ты не подумай, что я тебя видеть не рад, но...

– Да забей! – махнул рукой Макс. – Все я понимаю. А сюда мы приехали потому, что защищать в Кирхаймской марке больше некого. Живые люди там остались разве только в самом Кирхайме, да и то... А все окрестности – одна сплошная пустошь. Кто успел – ушел. Кто не успел – тот опоздал. Такие дела.

Мы помолчали некоторое время. Макс, должно быть, вспоминал всех, кто пошел за ним, но нашел лишь гибель. Мне тоже было кого вспомнить.

– А мы, кстати, одного некроманта убили – сказал он вдруг. – Представляешь, девчонка совсем, лет пятнадцати. И одежда на ней была – как будто она только что из нашего мира. Пуховик яркий, джинсы. Очень это меня тогда поразило. Мужики-то не поняли, для них это просто странный наряд – и все. А вот мне не по себе стало.

– Скорее всего, я ее знал, – вставил я реплику, проглотив ком в горле.

– Ого! – взгляд единственного глаза Макса уперся в меня. – Ну-ка, давай, рассказывай. Чувствую, у тебя история будет не хуже моей.

И я стал рассказывать ему все то, что случилось со мной с того момента, как он, я и Лана разъехались в разные стороны на Чернолесском тракте. Рассказ затянулся – заканчивал я его, когда над черными верхушками сосен уже забрезжил тусклый зимний рассвет.

– Да, дела, – проговорил Макс. – Вот, значит, что это все было. Эх, Лана-Лана, эльфийская принцесса, что же ты натворила. Вот уж от кого я меньше всех такого ожидал.

Макс отошел к узкому окошку и уставился на перечеркнутые дымом костров серые сумерки снаружи.

– Ладно, что сделано, того не воротишь, – проговорил я, положив ладонь Максу на плечо. – Надо двигаться вперед.

– И куда же именно мы движемся? – спросил Макс, повернувшись ко мне. – Давай, командуй, раз уж ты теперь главный.

– Терпеть не могу это слово – «главный», – ответил я. – Нехорошие у меня с ним ассоциации.

– Как знаешь, – Макс ухмыльнулся и достал из футляра за спиной грамму, начав на ней наигрывать какой-то сложный мотив. – Так или иначе мы в твоём распоряжении.

– Оставайтесь, – сказал я. – Только пусть твои головорезы теперь под командование Морионе поступают. Он как раз с завтрашнего дня начинает создавать в Кернадале армию.

– Посмотрим, – Макс задумчиво хмыкнул. – Не уверен, что они кому-то, кроме меня, готовы подчиняться.

Довольно быстро стало ясно, что появление Макса с его отрядом только ухудшило ситуацию. Привычные к виду крови, вооруженные Максовы бойцы начали притеснять беженцев и отбирать у них еду, а также то и дело лезли в драку с бойцами Морионе, которых он только-только начал тренировать.

Как и опасался Макс, вступить в ополчение замка они наотрез отказывались, и лишь когда Макс на них зычно наорал – согласились, но все равно по любому вопросу бегали к нему, а на Морионе огрызались.

Мне невозможно было спокойно пройти по крепостному двору, чтобы кто-нибудь из новых насельников замка не бросился мне в ноги с челобитной на бесчинствующих Максо-

вых башибузуков – считая себя главными защитниками замка, они ели за троих, подворовывали, не давали прохода женщинам и не торопились тянуть строевую лямку. Обстановка в Кернадале, и без того нервная, накалилась еще сильнее.

Это и стало первым вопросом на повестке дня небольшого совета, который я собрал в расчищенной для этой цели гостиной неделю спустя.

Помимо меня за столом сидел угрюмый и кислый Морионе, усталый Матвей с кругами под глазами, виновато-озлобленный Макс, смущенная Вика, принявшая на себя должность главного лекаря в крепости, и несколько отрешенная, как обычно, Ксай.

– Макс, долго это еще будет продолжаться? – начал я, не тратя время на вступление. – Твои люди будут когда-нибудь вести себя по-человечески или нет? Даже кернадальскому гостеприимству есть пределы.

– А чего ты хочешь? – огрызнулся он. – Люди на нервах, люди семьи потеряли. Люди за месяц крови столько видели... У кого угодно мозги раком встанут. Ты, вон, хоть на меня посмотри.

Посмотреть, в самом деле, было на что. Из бывшего весельчака и балагура Макс превратился в угрюмого циника. Удивительного в этом было мало, если держать в уме, к примеру, рассказанную им как-то после третьей кружки историю о том, как он потерял глаз, пытаясь спасти крестьянскую девочку из лап гигантского паука. И не спас.

– Я все понимаю, – спокойно произнес я. – Но так больше нельзя. Ты должен что-то с ними сделать, пока они не разнесли Кернадал по кирпичу.

– Я попробую, – мрачно буркнул Макс. – Но люди на взводе. На них и так все вокруг с самого начала волками зыркают – вроде как, лишние рты пожаловали, еды на всех не хватит.

– Кстати, сколько у нас осталось еды? – обратился я к Матвею.

– Если выдавать, как сейчас, то хватит недели на две, – ответил он. – Если урезать пайку до блокадных норм и понадеяться на хорошую охоту, можно протянуть месяц. Больше – не гарантирую.

– То есть, до весны мы без помощи не дотянем? – уточнил я.

– Какое там, – Матвей махнул рукой. – Даже и с помощью... мне трудно представить, каких масштабов должна быть эта помощь. Разве что Мученики явят чудо, и прямо среди зимы на поляне заколосится рожь. Или забьет фонтан из куриного бульона. Вот такого масштаба должна быть помощь.

– А если эвакуировать людей? – спросил я неуверенно.

– Трудновато будет их эвакуировать, когда они не хотят, – Матвей вздохнул. – Ты, кстати, сам их обнадежил. Теперь надо как-то со всем этим жить.

– Понятно, – я кивнул. – Сколько у нас есть времени до того, как начнется бунт, как думаешь?

– Примерно столько, сколько есть еды, – ответил Матвей.
– Плюс еще немного, если господин капитан ручается за своих бойцов.

Морионе раздраженно укусил длинный ус.

– Поручиться не мочь, – произнес он со своим характерным акцентом. – Солдат совсем без военной наука. Крестьянин. Только есть и спать. Дисциплина – нет. Разбегутся, как только что. Только за своих ручаться, но их девять человек всего есть теперь.

Я кивнул ему. В самом деле, что он мог сделать? За неделю превратить перепуганных крестьян в армию? Да и настоящая-то армия разбежится без еды очень быстро.

– Больных все больше, – тихонько вставила реплику Вика.
– А если люди не смогут есть досыта – может начаться эпидемия. Я удивляюсь, что ее до сих пор-то нет при здешней... хм... обстановке. Наверное, у людей крепкий иммунитет. Но надолго его не хватит.

– Короче, я отправлюсь в Брукмер, – сказал я. – Я, черт возьми, спас их всех, и они не должны мне отказать. Пусть дают еще еды – где хотят пусть возьмут. Если же с Ордена совсем уж нечего взять – поеду в Крюстер. Честно говоря, я думал об этом еще когда в Карнару ехал, но теперь придется поторопиться.

– Меня-то с собой возьмешь? – спросил Макс.

– Конечно, поехали, – ответил я. – День-другой только на сборы – и вперед. Только уж бери тогда с собой всю свою

вшивую команду. Будешь у нас почетным эскортом, а Орден их как-нибудь прокормит.

– Это дело есть! – кивнул повеселевший Морионе. У него явно упала с плеч гора.

– Так мы подольше продержимся, – согласился Матвей. – Но до весны, все равно, не дотянем. Да и новые люди прибывают. Так что вы там это... поактивнее как-нибудь. Без новых поставок нам крышка. Недели через две я перехожу на сокращенный рацион, а это значит начнутся брожения.

– Решено, – кивнул я. – Держись тут любой ценой, Матвей. Капитан, я на вас тоже очень рассчитываю. Да помогут нам всем Мученики.

Глава 5

На первый взгляд Крюстер совершенно не изменился с осени, когда я был в нем в последний раз. В порту царила суэта: матросы закатывали на трапы бочки и носили здоровенные тюки с брукмерскими тканями, хлопали на ветру паруса, покрикивали торговцы рыбой и моллюсками.

На центральной площади кипел шумный торг. Перед тем, как зайти на аудиенцию к Бажану, я прогулялся там, съев на ходу знаменитый крюстерский соленый крендель и полюбовавшись на только что привезенные из Графты шелка.

Но что-то, все-таки, неуловимо поменялось. Даже в окрестностях ратушной площади несколько богатых домов стояли пустыми: хозяева их, спешно распродав все имущество в городе по бросовой цене отправились в Запроливье. Караулы удвоились – даже по сравнению с прежним временем, когда шла война с Орденом. Мушкетеры и алебардисты в алых мундирах облепили городскую стену, словно красные муравьи – мертвую гусеницу.

Город жил напряженным ожиданием. Пару раз стража отгоняла нежить от самых стен картечными залпами. В трактирах только и разговоров было, что о том, скоро ли мертвяки осадят город так же, как Кирхайм. Обыватели всерьез обсуждали, кто на каком корабле поплывет на юг или в Запроливье, если вдруг что. В портовом городе почти у всякого

был знакомый капитан или хотя бы боцман, который обещал пустить бедолагу на борт в крайнем случае.

Я жил здесь уже вторую неделю. Неповоротливая бюрократическая машина вольного города затянула мое прошение в свои жерновы и не торопилась выдавать из своих недр какой-то внятный ответ.

В глазах всех сановников, с кем мне довелось общаться я видел одно и то же сложно-лицемерное выражение. Никому из них не хотелось огорчать прославленного воина, который еще может быть полезен. Но и обнадеживать не хотелось тоже. Лучше потянуть время, покормить завтраками и убаюкать заверениями в своем почтении к егерям.

Сегодня я явился в кабинет Бажана – небольшую комнатку на верхнем ярусе ратуши, обставленную старенькой мебелью красного дерева – чтобы узнать, наконец, какую помощь сможет оказать нам вольный город Крюстер.

Бажан встретил меня приветливо: усадил в мягкое кресло с бархатной обивкой, велел писарю принести нам по кружке горячей грушевки с медом, расспросил о делах в Кернадале и окрестностях – до сих пор мы так и не успели с ним обстоятельно поговорить, встречаясь лишь урывками между его многочисленными заседаниями и разъездами.

Но в его суетливом гостеприимстве мне виделось что-то неискреннее и извиняющееся, так что я сразу приготовился к худшему.

– Вы говорили на Конференции о моем деле? – спросил я,

когда все темы необязательной вежливой болтовни иссякли.
– Что вообще обсуждали вчера?

– На вчерашнем заседании Конференции Двенадцати Негоциантов – из которых, кстати, в городе остались только девять – господин бургомистр пошутил, что кто последний будет уплывать, должен будет заминировать порт и сжечь корабли, какие еще останутся, – проговорил он с кривой усмешкой. – Все посмеялись, но как-то этак, знаешь... невесело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.